

Алисия Долуханова

СТИКС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алисия Долуханова

Стикс

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69029074
SelfPub; 2023*

Аннотация

Жизнь никогда не была благосклонна к Стиксу: пьющий агрессивный отец, тяжелая болезнь матери, нищета, невозможность найти работу. Чем обернется для него шанс, предоставленный красавицей Светланой? Неожиданной удачей или финальной насмешкой судьбы? Формат: рассказ.

Алисия Долуханова

Стикс

Холодный серый дождь молотил по невзрачному зонту со сломанной спицей.

"Ну и где она?" – Стикс дрожал всем телом, мысленно умоляя свою спутницу вернуться.

Потрёпанная папка с рисунками едва держалась в окочевших пальцах. Он то и дело судорожно вытирал с тонкого пластика капли воды словно боялся, что небесные слезы просочатся насквозь и испортят рисунки.

Последний шанс. Из единственного на всю округу колледжа выгнали, на работе никому не нужен и его рисунки никому не нужны. Кроме нее. Она сказала, что он красиво рисует, обещала поговорить со своим директором, убедить посмотреть работы и вот уже полчаса как скрылась в двухэтажном сером здании. Или просто лгала? Стикс съежился ещё больше – не то от дождя, не то от осознания, что первый в его жизни друг за двадцать лет может вновь оказаться вовсе не другом. По обшарпанным стенам стекали потоки грязи, но воде не удавалось отмыть этот город. Ложь, предательство, ненависть здесь были нормой.

И всё же художник продолжал стоять у угла тупика, где она велела ему ждать. Что же ещё остаётся у таких как он, кроме надежды? Стикс почти уснул под монотонное бормо-

тание дождя, окончательно замерзнув, и только автоматически продолжал стирать пальцем капли дождя с папки.

– Эй, как тебя там, Серёжа? – Девушка выпорхнула из здания, раскрыла стильный черный зонт с автоматическим механизмом и модельной походкой подошла к глухому тупику в котором велела спрятаться своему забавному знакомому.

– Стикс, – будто извиняясь, пробормотал художник.

Он и сам не знал зачем из раза в раз повторял всем и каждому имя, данное матерью. Всё равно его упорно отказывались называть так. Сначала смеялись и просили показать паспорт. Увидев в паспорте под блестящей голографической пленкой напечатанное "Стикс", плевались и обзывали родителей в лучшем случае наркоманами, а после продолжали называть любыми другими именами.

Художник давно устал спорить на эту тему или что-то доказывать. Только упорно повторял свое имя вслух, словно надеялся, что рано или поздно кому-то это надоест и имя запомнится.

– Ну хорошо, Стёпа, – она состроила недовольную мордашку.

– Стикс, – так же тихо отозвался он.

– Ой, да это не важно! – Кажется, ее безумно раздражало то, что новый знакомый не может просто смириться с тем, как она хочет его называть. – Слушай, меня повысили. Дали должность начальника отдела.

Стикс поднял голову, взгляд тёмно-синих глаз пробежал-

ся по растрёпанной причёске, криво застегнутой рубашке, покрасневшимся губам, красному следу от нижнего белья на бедре ниже юбки.

– Поздравляю, – художник криво улыбнулся, не то из-за холода, не то из-за того, что ждал несколько иного от этой встречи.

– А, твои рисунки, – она отмахнулась. – Сегодня было много дел. Приходи завтра и надень костюм получше, а то уж больно на бомжа похож.

Она заливисто рассмеялась, глядя на его растерянное лицо.

Где ему взять костюм получше? Старая тонкая куртка, штопаная в трёх местах, футболка с облезлым рисунком, отцовские брюки, которые утащил с помойки и криво-косо зашил, да дырявые ботинки. Это и было лучшим из того, что у него есть. Можно, конечно, стащить костюм у отца ночью, но это грозило серьёзными неприятностями. Но, может, стоит рискнуть?

– Я постараюсь найти, – наконец выдавил из себя Стикс.

– Ну вот и молодец, – она улыбнулась. – Мне пора домой, да и тебе тоже. Смотри не заблудись. И постарайся не проходить под окнами зданий. Кто-то может увидеть тебя и испытать глубочайшее отвращение. Фе. Не стоит заставлять людей испытывать такие чувства.

Она снова расхохоталась и развернувшись, лёгкой походкой ушла в сторону парковки. Потoki воды и ночной мрак

быстро скрыли ее изящную фигуру из виду.

Стикс ещё долго стоял под дождем в темном тупике. В воздухе повис тяжёлый запах помоев, чьей-то рвоты и удушливый аромат ее использованного тела. Унылый дождь всё также мрачно барабанил по зонту, и, казалось, прошла целая вечность, прежде чем художник успокоился и пошел домой. В голове не было никаких мыслей, только неуютная тяжесть и боль.

Грязные темные улицы не приносили никакого облегчения. Стикс с детства выучил, что в этом городе лучше не выходить наружу с наступлением темноты, но дома было не сильно лучше. В связи с этим единственное, что умел художник помимо рисования, – это выживать в аду. Нащупав в кармане мятую пятидесятирублевую бумажку, он остановился у старой палатки и купил на все деньги небольшой мешочек конфет.

Теперь можно и поторопиться. Дверь подъезда распахнулась без всякого ключа. Домофон давно был сломан, и никто не собирался его чинить равно как и менять давно разбитые местными лампы. В нос ударила вонь мочи, перемешанной с кислым запахом помоев и острым – рвоты. Стараясь не дышать, художник поднялся на второй этаж и аккуратно приоткрыл дверь квартиры.

В темном помещении смердело. Алкоголем, невымытыми телами, табаком и черт знает чем ещё. Давно сгоревшая пыльная лампочка качнулась от сквозняка на грязном шнуре

и Стикс почему-то подумал, что она похожа на висельника. Из двери напротив раздавался надрывный кашель.

Поспешно и по возможности тихо юноша прикрыл дверь, скинул ботинки и шмыгнул через коридор. Он отчётливо слышал, как на кухне рычит чудовище и истово молился всем известным богам, чтобы пьяный отец не заметил его возвращения.

Комната напротив была единственным местом во всей квартире, где было относительно чисто. Каждый день Стикс приходил сюда убираться. Пропускал пятна, не догадывался взять мокрую тряпку для пыли, но старательно выкидывал весь мусор и оттирал лужицы гноя вперемешку с кровью с пола. И каждый день эта мужественная женщина, его драгоценная мать, поднималась с постели и садилась на пол, чтобы сын мог перестелить белье.

Анастасия умирала. Разлагалась заживо где-то внутри. Врачи в местной больнице ничем помочь не могли, так что выписали женщину умирать домой. На путешествие в Москву, как им советовали, денег не было. Всё, что Стикс умудрялся как-то достать, уходило на выписанные старым доктором дорогие лекарства, которые совсем не помогали. Таблетки были страшно горькими, поэтому художник каждый вечер покупал на оставшиеся копейки самых сладких конфет.

– Мам, я вернулся, – он сел на колени возле кровати, взял больную за руку.

– Стикс, – женщина тяжело вздохнула, едва заметно сжала

пальцы. – Как прошла твоя встреча с менеджером?

– Она... – чудовищным усилием художник выдавил из себя улыбку. – Она сказала прийти завтра. И я принес твои любимые конфеты.

– Вот оно что, – мать ласково провела рукой по его волосам. Кажется, всё поняла. – Что бы она тебе завтра ни сказала, помни: ты у меня самый лучший.

Она снова зашлась в жутком кашле, прикрывая рот салфеткой. Стикс только сжал ее руку и молчал, опустив голову. Его мысли были заняты очередными молитвами. Только не умирай. Только не сейчас. Только не сегодня. Никогда.

От подступивших слез грозовые небеса на потолке и штормовое море на стенах будто ожили, слились в единую картинку в тусклом свете настольной лампы. Три года назад, когда Анастасии стало совсем плохо и она перестала выходить из комнаты, неведомо как уговорила супруга купить сыну краски и большую кисть, чтобы он мог украсить комнату. Мать всегда любила грозу и море.

За окном раздался раскатистый голос грома.

* * *

Гром показался ей предвестником беды, когда Светлана уютно устроилась в собственной машине. Этот Стас какой-то совсем странный. Вместо того, чтобы по-хорошему уйти, когда она не вышла через пятнадцать минут, простоял под дождем как преданная собачка все полтора часа, по-

ка она всячески ублажала генерального. Уж не подглядывали? Она поправила размазавшуюся помаду. Безусловно, никакого желания к приехавшему из Челябинска жирному борову не испытывала, но чего не сделаешь ради должности. Просто так повышение никто бы не дал, а тут такая возможность. Хорошо, что потливый козел повелся на уловки.

– Тебе непременно надо смыть его отвратительный запах, дорогуша, – пробормотала Светлана, поворачивая ключ в замке зажигания. – Да ладно!

Машина пару раз кашлянула и заявила, что они никуда не едут. Может попробовать ещё разок?

– Не может быть! – Света в ярости стукнула кулаком по торпеде и закурила.

Что-то надо было делать с этой чертовой машиной. Ну не идти же пешком как этот придурок. В их славном миллом городке такая ошибка могла дорого стоить. Пальцы правой руки уже автоматически набирали номер знакомой автомастерской.

– Чё надо? – раздался в трубке грубоватый голос.

– Антон, это Света. У меня машина сломалась на парковке перед работой. Не заводится ни в какую. Сможешь приехать?

– Светка, ты сдурела?! Ночь на дворе, какое приехать? Меня по дороге четыре раза грабануть успеют, прежде чем я до тебя доберусь.

– А мне что делать?! Я же не могу на автобусе поехать или пешком пойти.

– А ты по-прежнему рассекаешь по работе в мини-юбке? –
Голос приобрел сальные интонации.

– Разумеется, – Светлана постаралась придать своему голосу желание.

– Даже не думай. Тебя уже перетрахал весь город. На столько второй сорт мне не интересен, – судя по звуку мужчина сплюнул. – Но попытка неплохая. За нее подскажу. Я могу тебе сходу назвать пяток причин по которым машина может не заводиться, но если тебе очень сильно повезло, то ты просто забыла вырубить музлу и у тебя сдох аккумулятор. Найди у кого прикурить и поезжай с миром.

– Антон, ну зачем мне искать у кого прикурить, если своя зажигалка есть?

– Машину, Света, не сигарету. И не вздумай кидаться с зажигалкой к бензобаку. Дура ебаная, – короткие гудки.

– Вот мудак! – она в ярости бросила телефон.

Ну и что теперь делать? Может, попробовать вернуться и попросить генерального подвезти? Если он, конечно, еще там. Подхватив сумку и зонтик, Светлана вылезла из автомобиля обратно под серый дождь и с яростью хлопнула дверью.

"Как жаль..." – будто простонало железо.

Всего несколько шагов отделяли ее от заветного здания когда возмездие настигло свою жертву. Глухой стук по черепу, разливающаяся боль и темнота. Светлана с трудом осознала, что ее куда-то тащат, больно схватив за волосы. Помутневшее сознание ухватило мгновение, когда чья-то рука

подняла с асфальта выроненный зонтик.

"Этот Саша. Всё из-за него," – с яростью подумала Света и отключилась.

* * *

Стикс отложил кисть, оглядел получившуюся картину. Что-то незримо напрягало в этой работе. Светлана спала на чем-то сером и грубо ворсистом, неудобно прижав локти к груди и колени к животу. Может стоило изобразить более широкий кадр? Пририсовать вокруг квартиру или ножки кровати. Почему она спит на такой грубой поверхности? Почему поза больше напоминает не здоровый сон, но скорее отключку от болезни или употребления веществ?

Художник перевел взгляд на мать. Наверное, он рефлексивно изобразил подругу в той же позе, что и больную женщину, спящую на его глазах каждый день. Честно говоря, никаких других спящих людей, кроме собственных родителей, к семнадцати годам он и не видел.

В гости никто не приглашал, девушки никогда не было, да и не то чтобы он от этого страдал. Зато страдал отец, который прямо заявил, что сын, не желающий смотреть ни на одну бабу, ему не нужен. Стикс не был уверен, что был нужен отцу и до того, но его мнения никто не спрашивал. Мать, тогда чувствовавшая себя куда лучше, потащила ребенка к врачу, и дело чуть не кончилось лишением родительских прав. Человек в белом халате страшно ругался: "Какого полового со-

зревания вы хотите, если ребенок регулярно не доедает, подвергается воздействию табака и алкоголя?! Может, он ещё летать должен научиться?!"

Стикс плохо запомнил тот визит. Сразу по возвращении домой, узнав новости, отец вывел его на улицу и избил. То, что юноша в свои пятнадцать выглядит хорошо если на одиннадцать до этого эпизода никого не волновало, но молодой врач каким-то образом поднял бурю в маленьком городке. Несмотря на ухудшающееся самочувствие, Анастасия бегала по инстанциям, умоляя не отнимать единственного ребенка. Буря продолжалась ровно до того момента как история перестала быть обезличенной. Стоило полицейским и журналистам увидеть истощенного художника, как их энтузиазм утихал.

"Доктор наверное ошибся. Не стоит тратить на него время и средства федерального бюджета. Этот и так конченный," – эти и многие другие слова холодным пеплом падали в душу.

С тех пор минуло два года, за которые мать буквально сгорела. Это всё тот случай виноват. Если бы не та нервотрёпка, ничего бы не было.

Закусив губу, чтобы не завывать, художник скорчился над рисунком, схватившись за голову.

Он не хотел такого для своей дорогой матери. Анастасия была светом в его темной жизни. Стикс помнил, как она увозила его загород и долго гуляла по яркому цветочному полю. Если бы не его, Стикса, несовершенство... Если бы только

он смог тогда скрыть ото всех своё безразличие к продолжению рода.

В голову словно вонзились два раскаленных штыря. Как же больно. Как же... хочется спать. Зрение поплыло и женщина на картинке слабо дернулась во сне, сжала пальцы. Рядом кто-то застонал. Скомкав мозоливший глаза рисунок, художник отбросил его в сторону, уселся на пол, сложил голову на краешке кровати матери и, глядя на ее лицо, почти сразу же уснул.

* * *

Светлана застонала, дернулась и слабо сжала пальцы. Голова болела как на утро после хорошей вечеринки, где был далеко не только алкоголь. Она попыталась ощупать голову, но даже от этого лёгкого движения затошнило. Вокруг было темно, тесно и душно. Невозможность выпрямить ноги или хотя бы разогнуться корпусом накатила волной удушливой паники. С паникой тошнота стала невыносимой и ее обильно вырвало на собственные волосы. От досады она закричала и тут же скорчилась от нового приступа рвоты и поистине адской боли.

Неожиданно яркий свет хлынул сверху.

– Твою мать, слышь, лечило, ты бить поаккуратнее не мог? Она вся обблевалась! – Громкий голос резанул по ушам Светы и она заплакала.

– Я врач, змеюка подколодная. Лечилами будешь своих

коллег называть, а у меня, между прочим, диплом о высшем медицинском...

Хвастливый тон сменился стоном и задыхающимися всхлипами.

– Не кукарекай, раз оказался у нас. Или думаешь, с нами прокатит так же как там? А?! Чё молчишь, светило?! Лампочка сдохла?! – Грубый голос ржавой пилой резал уши, но Света молча терпела, пытаясь зубами развязать узлы на руках. – Ах да, я и забыл. Там тоже не проканал, поэтому твоя же ссаная интеллигенция вышвырнула тебя на помойку, прямо в наши лапы.

Громкий выстрел резанул по ушам и Светлана завизжала, срывая голос.

– Ещё кто-нибудь хочет высказаться? – Поинтересовался приятный баритон. – Давайте. Сегодня право назвать помойкой организацию имеет каждый. Нет? Никто? Ну что ж...

Шаги приблизились.

– Отмойте ее и отведите в положенный номер, – в голосе проскользнула усмешка. – Доктор, у вас есть два дня, чтобы вылечить пациентку. Можете приступать сразу как только ее разместят со всем возможным комфортом.

– Н-н-но у меня здесь даже оборудования нет, а если у нее гематома...

– Доктор, – голос стал совсем мягким, почти нежным, – ну разве я похож на человека, который разбирается во всех этих ваших аппаратах? Раньше ведь и аппаратов этих не бы-

ло, а как-то лечили. Повторюсь – мне нужно, чтобы больная через два, максимум три дня перестала быть больной. Какими путями вы этого достигните, мне совершенно не важно. Единственное условие – никто из вас отсюда не выйдет, и никто сюда ничего не привезет. Это понятно?

– Но это невозможно! Даже при простом сотрясении...

– Я спрашиваю ещё раз. Это понятно?

Слабый хрип изобразил что-то утвердительное.

– Вот видите, – рухнувшее на пол тело мягко плюхнуло, и Света внезапно подумала, что врач был очень жирным. – Со мной очень легко договориться. Чего встали?! Работать, уроды!

Уроды схватили ее под руки и выволокли из багажника. Светлана попыталась снова завизжать, вырваться, но получилось только обвиснуть на руках у бандитов и хрипло засипеть. От обиды она снова заплакала. Мутные капли соплей повисли из носа, раскачиваясь в такт шагам носильщиков.

Яркий свет продолжал бить своими плетями ее несчастное тело. Светлану тащили, ухватив под мышки, двое. По огромной территории парковки, по темному коридору, мимо пустого грязного зала. Вырваться было бесполезно. Она сдавалась ещё в момент когда ее руки обхватили, словно тисками сдавили, огромные волосатые пальцы. Оставалось только плакать и скулить, но на мучителей это не производило никакого впечатления.

Наконец движение остановилось. Свету грубо швырнули

на пол душевой кабинки, включили воду и закрыли дверь. Вымотанное тело судорожно дернулось, рванулось наружу, восприняв струи воды за казнь утоплением. Голова вспыхнула от боли и желудок снова содрогнулся в спазмах.

Света обиженно всхлипнула. Да сколько же она сегодня съела? Неужели ещё не всё, что можно было, вышло наружу?

Дождавшись окончания приступа, замерла и неуверенно протянула руки к льющейся сверху воде. Кем бы ни были эти люди, в каком бы ужасном положении она ни оказалась, выбираться из него, будучи заблеванной, всё же противно. Так почему бы и не отмыться, раз дают такую возможность.

На полочке в кабинке обнаружился полный набор. Странно. Эти остолопы вряд ли знают что такое кондиционер для волос. Света сама заказывала такой из Москвы. В магазинах продавался только дешёвый фруктис три в одном: для волос, лица и жопы, как его в шутку называли те, кто хоть сколько-нибудь соображал в уходе за собой. И всё же сейчас перед ней точно стояли нормальные средства.

Стараясь не шевелить головой, она дотянулась до полочки. После такого стоило как минимум отмыть волосы. В идеале почистить зубы, чтобы смыть кислотный болезненный налет. За пузырьками со средствами для волос обнаружилась и зубная щётка с порошком в баночке. Светлана поморщилась. Ну кто в двадцать первом веке покупает зубной порошок? Впрочем, за неимением лучшего...

Она нервно глянула на закрытую дверь душевой. Где те

люди, что притащили сюда? Что они задумали? Для чего похитили? И не ворвутся ли сюда как только она стянет мокрые тряпки?

Трясушимися руками Света приоткрыла дверь кабинки. Никого. Только стопка чистой одежды на табурете возле раковины и пристроенные сверху фен и расческа. Всё более странно.

Тихо задвинув дверцу обратно, Светлана открыла бутылочку шампуня. Для осветленных и крашенных. Схватили первый попавшийся или следили за ней? Попытка понять что происходит, привела к новому приступу тошноты. Надо... Постараться не думать. По одной задаче за раз. И текущая задача – смыть с себя рвоту. Всхлипнув от накатившего ужаса и обиды, Света выдавила на ладонь немного шампуня.

* * *

Каким-то чудом Стикс умудрился проснуться на рассвете. Возможно, всему виной дурные сны о падающих сверху теплых каплях, в которых почему-то чуть не захлебнулся. Распахнув глаза, он не шевельнулся и изо всех сил прислушался. Наверное, так же прислушивается мышка прежде чем выползти из норки навстречу своей смерти. Идея украсть костюм у отца не вызвала у него должного чувства вины, но была почти смертельно опасной.

В квартире стояла тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием матери. Пора?

Стараясь не шуметь, художник встал, дождался, пока онемевшие ноги перестанут подгибаться при любой попытке пошевелиться, и тихо прокрался к двери. Приоткрыл ее и снова прислушался. Кажется, спит. На цыпочках Стикс вышел в коридор. На старом паркете советских годов существовали строго определенные места, куда можно было наступать без скрипа и за долгие годы он выучил их все. Правда, обычно художник лишь выскальзывал за входную дверь и скрывался на улицах. Никогда прежде он не пытался проникнуть в логово чудовища, а потому наступать приходилось кошмарно медленно.

Коснуться голой стопой пола, осторожно начать переносить вес, так же медленно и осторожно убрать ногу, если под пальцами чувствуется, как дерево уходит вниз не совсем плавно и мягко, а словно с пока не слышимым, но ощущаемым треском. Если бы его спросили, Стикс ни за что не смог бы внятно объяснить, что именно чувствует.

Долгих пять минут ушло на то, чтобы преодолеть несчастные три метра и оглядеться. Тяжёлые старые шторы почти совсем не пропускали солнечный свет, и темная комната казалась чьей-то пещерой. Завалы мусора создавали дополнительное препятствие на пути к старенькому шкафу, у которого наверняка скрипят петли. На продавленном почти до пола диване лежал страх и ужас, приходящий к Стиксу в ночных кошмарах. Крепко сбитый мужчина со следами давних и чрезмерных возлияний на лице спал на удивление тихо.

Художник в ужасе одернул себя. Где-то в глубине души мелькнула надежда, что тиран наконец-то умер, смешанная с желанием подойти и проверить пульс спящего, чтобы в случае надобности вызвать скорую.

"Я пришел сюда с одной задачей, с ней и уйду."

Сердце бешено колотилось от страха, собственное дыхание казалось слишком громким. В крайнем случае, схватит костюм и убежит. Щуплое тело гораздо быстрее, чем тяжелая туша отца.

То и дело замирая, Стикс все-таки пробрался к шкафу. Потная ладонь легла на круглую ручку. Надо было заскочить на кухню. Вчера тиран наверняка готовил себе еду. Почти наверняка – яичницу, а значит на сковородке осталось хоть сколько-нибудь масла. Можно было бы смазать петли, но... Даже эти несколько метров были кошмаром в вечности, а если отец проснется, ничто не убережёт от расправы.

Зажав рот рукой, Стикс медленно и глубоко вдохнул. Надо приоткрыть шкаф хоть на сколько-то. Чуть-чуть. Только чтобы просунуть руку. Только бы перестать задыхаться от страха. Дверца медленно поползла вперед. Ледяной пот струился по загривку. Еще немного. Художник наконец смог просунуть запястье в небольшую щелку. Пальцы сжали плотную ткань пиджака.

Громовой всхрип. Стикс вздрогнул всем телом и осел на пол. Кажется, этот привычный, но внезапный звук вытянул из него все силы. Сердце забилося где-то у горла, истерич-

но быстро отсчитывая секунды, словно не верило, что будет жить еще хотя бы минуту спустя. Чернота вокруг сгустила краски, лишая тех немногих очертаний, что были видны до этого.

Он не знал, сколько так просидел на полу, пытаясь бороться с окатившим ужасом. Не знал, насколько его тело похоже на окружающий хлам или на бьющегося в агонии обреченного. Спустя, кажется, вечность сумрачные краски и очертания наконец вернулись к захлавленной комнате, и художник обнаружил, что, падая, ухитрился сдернуть вешалку с костюмом. Поборов желание вскочить и бежать, Стикс аккуратно свернул костюм, прижал к груди обеими руками и с трудом поднялся на ноги. Голова кружилась будто он выпил не меньше бутылки вина.

Шаг. Другой.

Поскользнувшись на какой-то дряни, Стикс с грохотом растянулся на полу.

– Какого хера?! – Нечего было и надеяться, что отец продолжит спать после такого.

Не дожидаясь пока его схватят и избыют до потери сознания, художник рванул вверх и вперед. Он хотел выскочить за дверь, но другого шанса вернуться за рисунками не будет. Проклятье. А ведь мог подумать о том, что всё так выйдет и взять работы заранее.

Направо! Стикс вбежал в комнату матери, схватил папку. За спиной грохнула дверь. Зараза. Один шанс. Несколько

прыжков до открытого окна. Ещё один – вниз! На краю восприятия вспышка. И ещё одна, но вполне реальная – от боли.

Кто сказал, что со второго этажа падать нестрашно, явно никогда не пробовал сделать это сам.

Грязная лужа плеснула во все стороны. На секунду Стикс подумал, что сейчас захлебнется в этой мутной воде, но страх – хороший помощник. Тело будто само поднимается на ноги, бежит вперед, скрываясь в вонючих подворотнях.

Спустя неведомо сколько художник наконец упал. Болело всё: сбитые об асфальт босые ноги, лёгкие, колени и ребра. Даже в висках противно пульсировала разогнавшаяся кровь. Стикс лежал на заблеванном асфальте и судорожно вдыхал смрад улицы.

Отец его убьет. Точно убьет. О чем он только думал, когда решился на такое воровство? Он же не может не вернуться домой. Его бедная мать без него долго не проживет. Возможно...

Сердце медленно успокаивалось, усталость окатывала волнами как чудное море, зато возможность забраться в собственную квартиру по решетке первого этажа начала казаться не такой уж бредовой. Возможно, не с первой попытки, но получится. Обязательно получится. А сейчас надо найти себе хоть какую-нибудь обувь, иначе Светлана скажет, что он похож на бомжа ещё больше чем в прошлый раз. Может, если хорошо поискать на помойке...

Серые небеса расцвели голубыми разрядами. В отда-

лении первым ударом апокалиптического колокола прокатился низкий рокот грома.

* * *

Неловко сбитый флакончик духов с грохотом покатился по кафельному полу. Дернувшись от громкого звука, Света наконец смогла натянуть узкое платье на влажную кожу, и замерла у двери. Мерзко принимать подарки от похитителей, но собственная грязная и мокрая одежда не вызывала ничего, кроме отвращения.

Комната расплывалась, покачивалась. Зеркало слева показывало смутно знакомую блондинку в облегающем коротком черном платье. Глубокий узкий вырез открывал вид на соблазнительную ложбинку, оставляя прикрытым всё остальное. Ненакрашенное лицо, тем не менее, было довольно симпатичным. Света могла бы сделать из нее просто красавицу, но женщина просто стояла, покачиваясь перед зеркалом. Расфокусированный взгляд и приоткрытые губы придавали ее лицу слегка аутистичный вид. Впрочем, неудивительно. Ведь ее поймали какие-то бандиты. Вероятно, их главарь таким образом нанимает себе на работу секретаршу.

– Будь послушной и скоро станешь не только свободной, но и богатой, – мысленно посоветовала этой женщине Светлана.

Дверь запахнулась. То ли бандиты наблюдали за ванной комнатой, то ли просто прислушивались к звукам, и по уста-

новившейся тишине поняли, что жертва уже закончила. Подхватив не сопротивляющуюся женщину под руки, они выволокли ее в коридор.

Снова мимо поползли плохо освещенные серые стены. Кажется, бандиты чрезмерно экономные и не включают половину лампочек. Может, они думают, что полумрак поддерживает имидж злодеев? Или они настолько нищие, что у них нет денег на постоянное освещение своей базы?

Тем не менее, номер, в который оттащили блондинку, был вполне неплохо обставлен. Двухспальная кровать с алым покрывалом, приоткрытая дверь в собственную ванную комнату, небольшой столик с косметикой и лосьонами, и аккуратное зеркальце. Пол устилал ковер в котором босые ноги женщины почти мгновенно утонули.

Доктор оказался именно таким, каким Света себе его представляла. Пухлый вечно потный мужичок невысокого роста сидел в мягком кресле у стены и заметно нервничал. Короткими пальцами с обломанными грязными ногтями, мужчина ковырял огромную бородавку на своей синюшной шее. Едва дверь открылась, он встал и стоял так молча пока громилы укладывали блондинку на кровать. Простыни пахли дешёвым кондиционером "Альпийская свежесть". Света поморщилась и блондинка поморщилась вместе с ней. Прямо как в бабушкином доме.

– В-вы ее так и оставите? – неуверенно проблеял врач. – Не привяжете?

– А что? Боишься, что не справишься с контуженной девкой? – один из громил сплюнул на ковер. – Ну так ты не волнуйся. Похороны за счёт организации, а гробов у нас не положено.

Они расхохотались и покинули комнату. Щёлкнул замок, второй, третий. В комнате воцарилась тишина. Света с содроганием смотрела на несчастную жертву. Окон в комнате не было, ключа у врачихи, судя по всему, тоже. Вышибить металлическую дверь – нереально. Альпийская свежесть вряд ли перебьет вонь его тела. Даже короткий пиджак, плохо сидящий на оплывшей фигуре, даже коричневая рубашка, несмотря на отсутствие заметных следов, выглядели напитанными внутренней грязью. Неужели уже второй потный боров будет трахать ее в эту ночь?

Её? Эта лежащая на кровати симпатичная блондинка и есть она сама? Светлана застонала и перед глазами предстал мутно-серый потолок. Ни тебе росписи, как в сикстинской капелле, ни хотя бы игриво подмигивающего из облаков голозадого амура. Она снова застонала, на сей раз возмущённо.

– Фу, – наконец выдавила Света собственное мнение относительно убранства.

– Не жалуйся. Могло бы быть и хуже, – проворчал докторишка.

– А разве ты не должен меня лечить? – обиженно прошептала Светлана.

Собственный голос казался ей чрезмерно громким. Голова отзывалась толчками боли от каждого слова.

– У тебя сотрясение. Большого без оборудования я сказать не смогу, так что на ближайшее время у меня для тебя одно лечение – сон и покой.

– Ну и зачем ты тогда здесь? – обиженно надула губки блондинка.

– Следить, чтобы ты не сдохла, – сухо отозвался врач.

Женщина обиженно всхлипнула и отвернулась к стене. Подумав ещё секунду, закрылась с головой одеялом.

Урод. Беспольный урод, который ничего не может. Будь Светлана на свободе, она бы непременно посоветовала блондинке написать на такого грача жалобу главврачу. И в Минздрав, чтоб жизнь медом не казалась. Ну а если и это не поможет, то положить на стол участковому заявление об изнасиловании. Или хотя бы о попытке.

Глядя на хрупкую фигуру, свернувшуюся клубочком в темноте под одеялом, Света незаметно уснула.

* * *

Стикс снова стоял в предрассветной темноте на том же месте, что и вчера. Промозглый почти ураганный ветер дул со стороны реки прямо в узкий тупик, неся с собой сладкий запах гари, оседающий на языке. Казалось, ветер вполне мог выдуть из слабого тела душу.

Сейчас было ещё слишком рано, но художник чувство-

вал себя так, будто не спал всю ночь. После побега от отца он отправился рыскать по местным помойкам в поисках хоть какой-нибудь обуви и, найдя приличную, подрался за нее с бомжом. Хотя точнее будет сказать, как-то умудрился сбежать с обувкой в руках. Подбитый глаз удалось кое-как завесить волосами, но распухший нос выдавал с потрохами утренние приключения. И почему, увидев конкурента, просто не пошел искать обновку на другой помойке?

Стикс вздохнул. Всё дело в удаче, а точнее в ее отсутствии. Именно сейчас, предприняв столь отчаянные шаги ради призрачного шанса, он перестал верить в удачу. Не то чтобы ему когда-либо везло, но была хотя бы надежда. Теперь же гадкое предчувствие надвигающегося фатума стучало в висках, затягивало петлю на шее.

Художник потрянул головой, поправил волосы, бессмысленно скрывая часть синяков. Мимо пробежал человек, испуганно глянул в тупик.

В рассветный час в городе ненадолго устанавливалась столь редкая тишина. Алкаши, бомжи, наркоманы, насильники и прочие отбросы общества укладывались спать, чтобы продолжить свои грязные дела следующей ночью. Первый утренний свет разгонял их словно вампиров, позволяя добропорядочным гражданам выдвинуться на работу. Или может, уместнее было бы сравнение с оборотнями, ведь многие из ночных ужасов города днем становились самыми обычными работягами. И всё же люди спешили. Перемещались

быстрым шагом, стараясь не задерживаться на одном месте, не привлекать внимания, но и не бежать, чтобы не провоцировать агрессию. Такие как Стикс, стоящие на одном месте, пугали. Либо это ловушка, либо там стоит заразный больной. В крайнем случае наркоман, от которого непонятно чего ждать. Художнику не нужно было читать мысли, чтобы точно знать о чем думают окружающие. Он сам так думал, проходя мимо таких проулков.

Жаль. Стикс не хотел пугать людей. Страх – противное чувство, и так пропитавшее этот город насквозь. Отойдя в самую глубь тупика, прижался к стене. Может, хоть так его не будут видеть.

Вчерашний дождь наконец прекратился, но солнце не торопилось выглядывать из-за облаков. Поднявшийся от реки туман смердел химикатами и помоями. Влажные серые стены казались бесконечными потоками рвоты. Стикс закашлялся, сгибаясь к земле. Асфальт словно покачивался, навевая тошноту. Художник попытался вдохнуть поглубже, но лучше не стало.

Он чувствовал себя вампиром, растворяющимся в серых лучах пасмурного неба, феей, погибающей от вони современной промышленности, оборотнем, вместе с желчью, сплевывающим собственный волосатый хвост, пошедший не в то горло. Темный асфальт расцвел грязно-желтым и Стикс подался назад, отползая от своей рвоты. Не хватало еще испачкать костюм. Может, если он сможет подремать

немного, станет лучше? Мелко хватая пересохшими губами маслянистый воздух города, со второй попытки засунул папку с рисунками под рубашку, съежился, насколько позволял тонкий пластик, и прикрыл глаза.

Мир окрасился звуками в мутной тьме. С крыши сорвалась капля, по улице прошел какой-то человек. Не Светлана. Она ходит на каблуках. Проехала машина и хлопнула дверь здания. Звук дрожи собственного тела, стук клацающих зубов и зверский холод пластика, прилегающего к голой коже. Тусклый красный свет, пробивающийся сквозь закрытые веки.

Стикс почувствовал как медленно сползает на землю. Он хотел сесть поровнее, устойчивее прислониться к стене, но голова отчаянно закружилась, и под щекой оказалось что-то шершавое и холодное. Уютное, болезненное, расслабляющее.

Кап.

Черная кошка отпрыгнула на пару шагов, недовольно встряхнула шубку и вылизала оскверненное водой место ярко-розовым язычком. Подняв голову, она посмотрела на Стикса. Ее ярко-зеленые глаза заморозили художника своим цветом настолько, что он даже не обратил внимания на мутную серость, скрывающую из поля зрения всё, кроме невероятно четкой кошки.

Медленно и грациозно развернувшись, она пошла вперед, пригласительно взмахнув длинным хвостом, и Стикс без ма-

лейших усилий со своей стороны последовал за ней. Они шли по серому клубящемуся мареву, и только серый грязный асфальт оставался неизменным атрибутом реальности.

Художник был уверен, что ни один бог не пожелал бы смотреть на этот город. Наверное, поэтому здесь вечный туман и унылые дожди. Правда, говорят, в прекрасном Питере тоже постоянно идут дожди. Если бы кто-то спросил, Стикс обязательно заявил бы, что в Питере боги лишь украшают город дождями. Там дождь другой. Не серый, но скорее серебристый.

Кошка свернула за угол очередного здания и вошла в приоткрытую железную дверь. Как и всё в этом городе замок, скорее всего, давно был сломан. Чтобы дверь не захлопнулась, кто-то подставил с внутренней стороны швабру и припер всю конструкцию обломком неуместно рыжего кирпича. Из каморки вело несколько уже не столь монументальных дверей, за одной из которых нашлась лестница. Не раздумывая, кошка поднималась вверх со своих подневольным сопровождением.

Разбитые стекла старых дверей, кривые граффити на стенах. Неизменное русское слово из трех букв, рисунки половых органов, обещания трахнуть самых разных женщин и мужчин, обвинения в предательстве, угрозы, проклятья в адрес властей... У Стикса снова закружилась голова. Будто буквы, складываясь в сочащиеся ненавистью слова, напиткивали через глаза хрупкое тело и отравляли его, разрушая, как

медленный яд.

Кошка обернулась, посмотрела на замедлившегося спутника. Как странно. Ему казалось, что здесь у него нет тела, что это, вероятнее всего, сон, но сейчас он явственно стоял на обоссанных бетонных ступенях, согнувшись от подкатывающей к горлу тошноты и цеплялся за скалящиеся редкозубой улыбкой остатки перил. Почему он ушел из тупика, где должен был ждать Светлану? Пошел за странной кошкой и ворвался в одно из немногих высотных зданий в городе, где его не ждали, где его не должно было быть?

Животина медленно подошла ближе, встала на задние лапки, ткнув коготками в красную рубашку на животе юноши. Стикс медленно отвел полы огромного пиджака, растянул мокрую одежду. Из огромной дыры в окровавленном животе на него смотрели яркие синие глаза. Длинные нервы, идущие от почти идеально круглых яблок, цеплялись за пульсирующие кишки, прорезая в них тонкие дыры.

Завопив, художник шархнулся в сторону, покатился по лестнице, упал вверх, сжимая синюю папку с рисунками. Он падал и падал в серое бетонное небо пока наконец не рухнул сквозь приоткрытую дверь на крышу. Нервно взглянув вниз, Стикс не обнаружил никаких глаз, кишечков или крови. Из распахнутой рубашки виднелась лишь гладкая бледная кожа, да выделяющиеся ребра. Папка никуда не делась и это позволило ему расслабиться. Черная кошка сидела на парапете, пристально глядя на него своими яркими изумрудны-

ми глазами. Блестящая шерстка казалась единым плавным шелком, скрывающим за собой нечто большее, чем обычный зверь.

Художник медленно подошел ближе, повинувшись неожиданному порыву, открыл папку. Первой лежала уменьшенная копия картины, украшавшей комнату матери – штормовые волны, грозовые облака, яркие молнии и странный корабль, пылающий в зеленых огнях святого Эльма. Матери особенно нравились эти огни. Отмахиваясь от суеверий моряков, которые Стикс вычитал в местной библиотеке, Анастасия уверенно заявляла, что это зеленый ветер, что сулит случайную, но невероятно ценную встречу. Те, кто расправляет свой парус навстречу зеленому ветру – поистине удачливые люди, способные найти своё главное сокровище в ярких волнах.

Стикс протянул картину кошке, пошатнулся, когда мир снова закружился, перевалился через парапет. Ветер дернул за одежду, за волосы, свистнул в ушах, земля в секунды стала ближе...

Кап.

Стикс открыл глаза, жадно хватая воздух ртом. На дворе стоял холодный полдень. Возле его головы сидела и вылизывалась блестящая черная кошка. Мимо тупика спешили по своим делам люди. Воняло. Вот чем отличался мир реальный от мира сна. Во сне почти ничем не пахло. Здесь же запах преследовал постоянно. Даже прожив в этом городе всю со-

знательную жизнь, художник не смог привыкнуть к этому едкому тошнотворному запаху. Он забирался под кожу, отравляя людей. Сначала морально, затем физически. Стариков в городе почти не было. Люди умирали гораздо раньше.

Наверное, Светлана уже пришла на работу. Он опоздал. Сердце болезненно сжалось при мысли о том, что единственный шанс был упущен ради глупого сна. Скорее всего, она прошла мимо, не заметив его. Позвала, как вчера, и, не дождавшись ответа, пошла дальше. Или может, она и не собиралась звать его сейчас?

Да, разумеется, она позовет его вечером. Она никогда не станет открывать начальство от важных дел в середине рабочего дня, только чтобы поговорить о возможном потенциале своего нового знакомого. Стикс бы и сам так никогда не поступил, если б у него была работа. К тому же, Светлана вчера ясно дала понять, что стыдится его внешнего вида, а значит среди бела дня привести его в офис было бы слишком, как бы хорошо она к нему не относилась. Наверняка, эти рассуждения верны, а если так, значит надо только дождаться вечера. Может можно... еще поспать. Совсем немного. Он закрыл глаза и отключился.

К вечеру похолодало и асфальт ожег щеку ледяным касанием. Стикс медленно открыл глаза и осторожно встал. Ему было гораздо лучше чем утром. Кажется, сон и правда помог. Убедившись, что папка всё ещё прижата к телу, художник подавил накативший испуг и поднялся на ноги.

Оглядев себя как мог, поспешно отряхнул костюм, привел в порядок пальцами волосы. Светлана вот-вот появится. Он был в этом уверен.

* * *

Шанс на спасение вот-вот появится. Светлана была в этом уверена. Первые сутки у похитивших ее людей не запомнились ничем особенным. Голова гудела, стоило открыть глаза, поэтому большую часть времени женщина провалялась в беспамятстве.

На следующую ночь даже стало полегче, и Света смогла немного поесть. Доктор сидящий рядом с постелью, чем-то неуловимо напоминал опарыша, и она каждый раз вздрагивала, когда мужчина касался ее лба. Теперь, когда первый шок отпустил, Светлана чувствовала противный запах потного тела, ощущала липкие капли на его пальцах, видела трясущиеся при каждом движении подбородки и поспешно закрывала глаза. От всего ощущения этого человека накатывала тошнота.

Так они провели ещё ночь и ещё день. Свету не тревожили, с ней никто не пытался говорить и хотя восприятие времени явно не могло быть точным в темной комнате без окон, женщина сказала бы, что прошла как минимум вечность.

Иногда в голове Светланы заедали мысли и сводили ее с ума. Часами ее рассудок повторял: "Этот Сережа. Всё из-за него". От монотонно повторяющейся фразы невозможно бы-

ло отделаться, она была хуже непрестанно делающих ремонт соседей, и иногда Света едва слышно стонала. Тогда доктор касался ее щеки, и она передергивалась от отвращения, а после в голове снова начинало звучать: "Этот Стас. Всё из-за него".

От карусели одинаковых мыслей и ощущений снова и снова тошнило. Надо бежать, но Света не могла даже встать. Если бы ей дали шанс очаровать кого-то из главных здесь, но никто не заходил и только взрослая женщина с сочувствием смотрела на несчастную девчонку под атласным покрывалом. Сейчас в ней не было обычного шика. Она снова была похожа на подростка, что мечтала о принце на белом коне и пряталась под одеялом от жестокого внешнего мира. Тогда ей было четырнадцать.

Светлана думала, что похожа на маленького лебедя, брошенного родителями, вместо которых ныне злобная бабка и отвратительный боров. Через год она пыталась скрыть свои слезы, когда очередной парень убил их, посадил тела в машину и спустил на дно Урала. Света так старалась улыбаться, смеяться над шутками про уникальную могилу в двух частях света одновременно, что у нее намертво свело челюсть.

Через неделю она переспала со следователем, чтобы бывшего парня осудили. Светлана на всю жизнь запомнила его липкие прикосновения к своей груди, бёдрам, рукам...

Липкая мягкая рука взяла ее за запястье, плечо больно сдавило резинкой.

– Что ты делаешь? – Света резко открыла глаза и попыталась забрать руку.

– Ввожу лекарство. Не дергайся.

– Какое ещё лекарство?! – Она забилась на постели, пытаясь вырваться.

– Которое позволит выжить тебе в следующие двадцать четыре часа, – грубо ответил врачешка и схватил женщину за локоть.

Шприц кольнул кожу, по вене хлынула саднящая жидкость. Светлана завизжала, замолотила ногами по мерзкому человеку, но хватка у того оказалась стальная.

– Я выберусь отсюда и буду жаловаться! Вас всех засудят! – сквозь невольно проступившие слезы крикнула блондинка.

– Если у нас получится выбраться, дорогая, – покачала головой Света, глядя как девушка мечется, сбивая атласные простыни.

Это не длилось долго. Вместе с обжигающей волной и бешено колотящимся сердцем пришла радость. Бессмысленная, но совершенно искренняя радость. Женщина низко застонала, потягиваясь на постели. Зачем куда-то бежать? Всё ведь и так хорошо. Просто замечательно. У нее шикарная комната, шикарная одежда, да врачешка, хоть и смешной, но не такой уж и противный.

– На выход, лечило. Товар готов?

– Насколько вообще может быть готов, – проворчал док-

тор, вставая из кресла.

Она потянулась обнять его на прощанье, но толстяк с невероятной для себя ловкостью вывернулся и вышел. Дверь закрылась. Светлана закрыла лицо руками, не желая смотреть на то, как милую блондинку развезет от наркоты.

Женщина радостно застонала и снова вытянулась на постели. Какие прекрасные простыни. Как невероятно мелодично они шуршат. Какой сочный, насыщенный красный ее окружает. Клубящиеся облака на потолке разошлись и сквозь разрыв в тучах подмигнул розовощекий купидон. Чьи-то руки бесцеремонно стащили с нее трусы, грубо раздвинули ноги. Она громко сладострастно застонала.

* * *

Стикс тихо застонал. Она не придет. Осознание этого факта настигло его опустошающей безысходностью.

– Она не придет, – повторил он вслух, словно это помогло бы ему смириться.

Возможно, он проспал то время, когда Светлана звала его с шумной улицы или может после вчерашнего дождя подруга просто-напросто простудилась и сейчас лежит дома с температурой. У него ведь даже нет сотового, чтобы она могла предупредить об этом.

Стикс вздохнул. Да, разумеется. Это просто нелепая случайность, небольшая неудача в море таких же. Пройдет несколько дней, а может и неделя, и они снова встретятся

и посмеются вместе над этим казусом. Сейчас же, ему надо спешить домой к своей несчастной матери. Он нужен Анастасии, чтобы напоить лекарствами, дать конфет и даже просто поговорить. К тому же, вчера он совсем не убрался в комнате матери, впервые за много лет. Необходимо это исправить. Вот только денег на конфеты совсем не осталось. Может, получится украсть в супермаркете?

Художник крепче прижал к себе папку. Воровать было плохо, но никто не даст ему конфет просто так, а матери они необходимы. Пока разум метался, оспаривая собственные аргументы, ноги сами вывели из тупика на широкую улицу. Продолжая спорить с самим собой, Стикс неуклонно приближался к супермаркету.

Если украсть совсем немного конфет, а много ему и не надо, большой беды не будет. Люди каждый день воруют в супермаркетах понемногу. Некоторые прямо в зале съедают продукты и просто кладут упаковку на место. Не вычтут же это из зарплаты работников. Или все-таки вычтут?

Автоматические двери беззвучно распахнулись. Ещё ничего не сделав, но так и не придя к какому-либо решению, художник замер на пороге. Он стоял и потерянно смотрел на ярко освещенный зал, пока чей-то грубый голос не окликнул:

– Эй, парень, ты либо заходи, либо вали отсюда! Хорош людей морозить!

Стикс автоматически сделал шаг внутрь, потом другой.

Словно не имея никакого отношения к своим ногам, художник будто со стороны видел как удивительно похожий на него парень входит в супермаркет. Двери за его спиной сомкнулись с тихим механическим звуком, но второй Стикс никуда не исчез. Он поднял взгляд на двойника, всё больше убеждаясь в нереальности происходящего. Ни у кого в этом городе больше не было таких ярких тёмно-синих глаз. Художник неуверенно поднял руку, протянул навстречу самому себе и вздрогнул, наткнувшись на холодную поверхность необычно чистого зеркала.

– Только сегодня сменили, – расхохотался толстяк охранник. – Ещё ни один уебан не загадил.

Стикс неуверенно рассмеялся в ответ. В городе и правда сложно было найти хоть одно не разбитое и не разрисованное похабщиной зеркало. Даже дома единственное зеркало пересекала огромная трещина, а сальные отпечатки навсегда оттенили когда-то блестящую поверхность. Настоящее, чистое, новое зеркало путало мысли, вводило в заблуждение, не давало никаких подсказок о нереальности отражения. Как жаль, что оно проживет таким совсем недолго.

– Слышь, ты обгащенный, что ли? Я, конечно, всё понимаю, но сколько можно торчать тут, будто в музей, а не в магазин припёрся?

– Простите, – Стикс с трудом заставил себя прекратить пялиться в отражение. Зеркальный двойник всё больше казался ему реальным, более реальным, чем всё вокруг.

Словно в бреду, художник двинулся по длинной линии между полками с товарами, дошел до конфет и остановился. Если он возьмёт одну или две, никто и не заметит пропажи. Наверняка это заложено в стоимость остальных конфет, наверняка всё посчитано. Или, из-за того, что в городе регулярно воруют, за всё ворованное будет отвечать этот охранник? А если поймают, то кто будет ухаживать за его бедной матерью, пока он будет сидеть? Отец не будет этим заниматься. Он, хорошо, если принесет Анастасии стакан воды.

Стикс протянул руку к стеллажу, сжал в кулаке несколько конфет. Может если он подойдёт к охраннику и вежливо попросит, ему не откажут? Не обязательно ведь воровать. Люди не должны страдать от того, что у него нет денег. Но ведь тогда им точно придется платить, а если пропажу не обнаружат...

Свет в зале погас, и художник вздрогнул, выронив конфеты.

Сквозь распахнутые двери из тьмы в магазин ворвалась метель. Белые хлопья, первые в этом году, показались Стиксу дурным знамением. Он тупо стоял и пялился на летящий снег и темноту снаружи. Небеса устали терпеть его присутствие на земле. Это знак, точно знак. Вот и полы уже окрасились багряным, предвещая беду. Художник задохнулся от жуткой вони разлагающихся тел, закрыл лицо рукой.

– Слышь, долбоеб, ты либо покупаешь, либо валишь нахуй. Здесь тебе не приют для бездомных, наркоман сра-

ный.

– Простите.

Так ничего и не взяв, Стикс поспешил прочь из магазина в чёрно-белое марево. Он должен скорее идти к своей матери. Быстрее, бегом, даже если ледяной ветер не даёт вдохнуть и прожигает тело до костей. Мокрый снег облепил лицо, кружевные льдинки лезли в глаза, в нос, в рот. В безлунную ночь городские здания казались чудовищами, склонившимися над своей добычей. Ещё никогда в городе не было так темно.

Художник споткнулся и упал. Кажется, сбил ладони, но умудрился уберечь костюм. Как глупо. Зачем ему теперь этот костюм, когда мир буквально рушится?

Непонятно каким чудом, ноги сами привели к нужному дому. Ещё несколько падений по дороге сделали Стикса похожим на члена итальянской мафии сразу после крупной разборки. Весь измазанный грязью, в синяках, крови и дорогом костюме не по размеру, он стоял у кованых решёток соседского окна.

Тот ли это дом? В городе много одинаковых строений, не хотелось бы попасть в чужую квартиру при отключённом свете. И всё же нет иного способа кроме как заглянуть в окно. Свои рисунки на стенах художник узнает даже в полном мраке наощупь.

Решетка громыхнула под его весом. Хорошо, что на ней есть поперечины. По прямым палкам он бы в жизни не за-

брался. Позже он обязательно извинится перед соседями, которым причинил беспокойство этим грохотом. Вот и подоконник второго этажа. Пальцы нащупали на стене знакомые мазки. Повезло. В кои-то веки повезло.

Стикс попытался бесшумно спрыгнуть на пол, но зацепился за что-то ногой и ввалился внутрь с диким грохотом. Он замер.

Прошла секунда, другая, вечность. Ни слабого голоса матери, ни ругани отца. Наверное, мать просто крепко спит, а тиран ушел за пойлом. Стикс осторожно поднялся на ноги, ошупью прошел вперёд.

Яркий свет хлынул внутрь и прежде чем художник осознал что происходит, кто-то повалил его на пол. Словно включили звук, который до этого отсутствовал, раздались крики:

– Лицом в пол! Лежать, я сказал!

– Я... Ничего не сделал.

– Это следователь разберётся. Пошли.

– Нет! Подождите! Мне надо дать маме лекарство! Она умрет без него!

Фонарь осветил пустую комнату, столик, заявленный упаковками с лекарствами, смятую постель, на которой никого не было. Стикс обмяк в руках милиционеров. Он ещё успокаивал себя тем, что мать просто увезли в больницу, может стало хуже и понадобилась помощь, но сердце рухнуло, почувяв беду.

– Здесь никого не было, когда мы пришли, – неожиданно мягко сказал один из оперативников. – Но это не обязательно значит самое худшее. Может она просто...

Свет снова прошёлся по кровати, тумбочке.

– Может, ей пришлось поехать в больницу?

Художник машинально кивнул. Конечно. Анастасию просто забрали в больницу. Конечно, это плохо, ведь это значит, что стало ещё хуже, но с другой стороны – ведь там точно позаботятся о его бедной матери, принесут все необходимые лекарства, пусть даже не будет сладких конфет, чтобы заесть таблетки.

– Завязывай с ним рассусоливать, – второй милиционер сплюнул. – Этого нарика подозревают в похищении и убийстве молодой женщины. Ты чё, правда веришь в весь этот спектакль? Этот извращенец даже нарисовал деваху в багажнике.

Стикс похолодел. Кого-то убили? Сердце гулко бухало у горла. Глаза расширились от ужаса. Он ничего не делал, но что если его вечная спутница – неудача, перекинулась на тех, кто слишком близко с ним общался? И тогда похищенная и убитая... Светлана?

Желудок скрутило от подкатившего ужаса. Пальцы мелко задрожали. Он почти не осознавал что происходит вокруг, почти не чувствовал как два милиционера вытащили его из квартиры, спустились по лестнице.

– Я так и знал, что ты поплатиться за кражу моих вещей,

гаденыш, – в нос ударил резкий запах табака, смешанного с алкоголем и отвратительным смрадом не леченных зубов. – Оставьте этого гада мне, меньше мороки будет. Я его во дворе прикопаю.

– Дело больно громкое, так что не в этот раз, мужик.

– Но ты можешь прийти к нему на свидание, если так охота кулаки почесать.

– Я ничего не сделал, – пересохшими губами прошептал художник.

– Ты как минимум украл мои вещи, урод! – тяжелый кулак ударил точно в висок. – А ещё из-за тебя умерла Анастасия! Сгорела за час после твоего убанского прыжка из окна!

Стикс задохнулся. Мир поплыл, подернувшись гнило-коричневыми пятнами, в ушах зазвенело. Удары чудились словно сквозь большую плотную подушку. Безвольной куклой он болтался в руках правоохранителей, пока отец молотил по нему словно по боксерской груше. Боли не было. Лишь абсолютная всепожирающая пустота.

* * *

Боли не было. Лишь абсолютная всепожирающая пустота, оставшаяся где-то внизу живота. Света не знала сколько прошло времени, сколько мужчин побывало в её вагине. Звенящим предчувствием распирало голову изнутри так же сильно как сильно хотелось плевать. Свесившись с атласных простыней, Светлана исторгала на красный ковер жалкие остат-

ки последней еды, перемешанные с желчью. Комната была пуста. Даже проклятый врач, сидевший с ней всё время до потока странных мужчин, не желал прийти помочь ей. Даже бутылки воды не было поблизости, равно как и сил доползти до ванной или хотя бы застонать.

В голове гулко бухало, словно кто-то изнутри долбил по черепу мягким молоточком. Уши заложило от тоненького свиста, а в глазах стремительно темнело. Руки исчезали в этой темноте. Медленно терялась чувствительность в ногах, словно кто-то стирал их твердой рукой из этой реальности. На грудь с силой давил невидимый великан. Тело всё меньше и меньше слушалось. Куда делось то ощущение экстаза, что было еще полчаса назад? В носу нестерпимо щипало от едкого запаха рвоты.

Светлана попыталась пошевелиться, почувствовав открывающуюся дверь. Нет, пожалуйста, только не еще один! Она больше не выдержит! Больше не сможет!

Вспышкой вернулось осязание. Грубая веревка стянула запястья и лодыжки, чьи-то руки совершенно неаккуратно вытерли салфеткой ее рот, больно дернули за волосы. Словно колбасу на рынке, Светлану подняли, забросили на плечо и куда-то понесли. Дышать становилось всё труднее, в голове разливалась тянущая боль с каждым шагом носильщика.

– Ваш товар, – констатировал громкий голос, раздавшийся в ушах болью.

– Положите в багажник. Деньги, как и договаривались.

Снова мерзкий запах бензина от которого кружится голова, противный колючий ворс, теснота. Надо бежать. Пожа-луйста, тело, шевелись, мать твою! Бежать! Бежать! Крышка медленно захлопнулась над головой. Бежать!

* * *

Надо бежать. Это осознание настигло Стикса в тот момент, когда уже сидя в полицейском уазике, он слушал разговор курящих возле машины милиционеров. Слушал, но не разобрал ни слова. В голове пухлым одеялом разливалась пустота и лишь единственная мысль билась о стенки черепа: надо бежать.

Будто загипнотизированный этой мыслью, художник выскочил из машины и рванул прочь. Он с трудом разобрал удивленные и злые возгласы за своей спиной, быстро свернул в грязный переулок. В такие закоулки машина не проедет, но куда дальше? Подальше! Подальше отсюда!

Ноги сами несли Стикса по улицам. Он петлял между домами, видел только грязный асфальт под ногами, смазанным пятном улетающий вдаль. Странно, но он не задыхался. Только жжение в груди смутно угадывалось подсознанием.

Направо. Налево. Куда? Куда бежать? Его найдут везде, выколотят всю дурь и посадят за ужасную неудачливость. Хватит. Хватит с него этого города, этого мира. Не зря во сне приходила черная кошка. Может, подсказывала последний шанс не попасть в эту бездну.

Вот он! Маршрут! Грязные переулки, плохо освещенные улицы замелькали еще быстрее. Нужная дверь, подпертая рыжим кирпичом, грязные лестницы, ядовитые граффити, головокружение и тошнота. Новые ботинки со стуком пересчитывали ступеньки. За спиной словно выросли крылья второго дыхания. Яркая боль.

Художник с удивлением опустил взгляд. Скалящиеся арматуры перил были совсем близко, руки беспомощно цеплялись за оторванный пластик. Почему? Почему так случилось? В животе разлилось тепло, накатила тошнота, голова закружилась как той ночью в переулке. Это всё... сон? Снизу раздался грохот сапогов и ужас мгновенно привел в чувство. Схватившись за скользкую железку, Стикс поднялся, схватился за папку, чуть не выпавшую из-под разорванной рубашки.

– Эй ты! Стоять!

Надо бежать. Каблуки снова отстукивали бешеный ритм по ступеням вверх. Сил больше не было и вперед несла магия сна или инерция, а может, последнее дыхание. Мимо проносились разбитые стекла дверей, мелькали яркие пятна на стенах. Впереди показалась та самая дверь на крышу. Во рту стоял противный металлический привкус.

Дверь легко поддалась, улица встретила холодом и снегом. Из последних сил художник добрал до парапета, где встретился с кошкой.

– Сдавайся! Всё кончено!

Он медленно закрыл глаза. Как же всё это достало. Холодный страх в последний раз пробежал по позвоночнику. Его рисунки. Не пострадали ли они при падении в середине лестницы? Резко открыв глаза, художник поднял синюю папку, открыл.

Волны, пляшущие под зелеными ветрами были окрашены кровью. Стикс всхлипнул, перевел взгляд на свой живот. Все происходящее было страшно несправедливо. Феерия его неудачи. Апогей ненависти мира к нему. Нечестно!

– Парень! Давай без глупостей! Мы идём.

Ветер вырвал лист из папки, поднял его в воздух над городом.

– Нет!

Не думая, что делает, Стикс оттолкнулся ногой от парапета и прыгнул в небо за рисунком. Из папки на него смотрел улыбающийся портрет матери. Из пустой дыры на месте правого глаза текла кровь. Ветер дернул за одежду, за волосы, свистнул в ушах, земля в секунды стала ближе...